

Вадим Муратханов

Цветы и зола

Вадим Муратханов

Цветы и зола

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Муратханов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М91

В. Муратханов

М91 Цветы и зола / Вадим Муратханов. – М.: Воймега,
2019. – 68 с.

ISBN 978-5-6041935-4-9

Восьмая книга стихов Вадима Муратханова представляет собой опыт обращения к наивной поэзии. Через призму отстранённого детского восприятия показаны ступени жизни героя и его отношения с окружающим миром.

ISBN 978-5-6041935-4-9

© В. Муратханов, текст; 2019
© О. Сульчинская, предисловие; 2019
© «Воймега»; 2019

Смех и слёзы внутреннего ребёнка

Юмор и поэзия — брат и сестра. То есть не то чтобы «близнецы-братья», но близкие, кровные родственники. Общее у них — привычка нарушать ожидания, делать привычное удивительным. Это не значит, конечно, что поэзия — это «смешно». Между нами говоря, и юмор — не всегда «смешно». Но всегда неожиданно.

В «Цветах и золе» это свойство выражено в высшей степени. Начиная с первой строчки, то есть — с названия. Кто вспомнит о Бодлере, поймёт сразу, что зло обратилось в золу и речи о том, чтоб «хватать наслажденья», не будет. Кто не вспомнит — увидит в названии контраст нежной жизни красивых растений и холодной, серой субстанции, которую оставляет после себя прогоревший огонь. Каково им рядом друг с другом? А при желании можно дать и такое толкование: цветы — это мы, одухотворённые и нежные создания, а зола — это всякая ерунда, что нас окружает. Каково нам?

Да, Бодлер-то, пожалуй, возник здесь не только ради того, чтоб обыграть название. Как некогда один из «проклятых поэтов», так и наш современник автор намерен говорить с нами о вещах некрасивых, неромантичных, непозитичных. Вот — милиционер, например. Ну куда уж прозаичнее:

За столиком милиционер
у входа в госучрежденье
сидит, неумолим и сер
с момента своего рожденья.

Сейчас он спит. За ним меж плит
бежит ковровая тропинка,
но во все стороны торчит
неутомимая дубинка.

Но в том-то и секрет, что, ни в чём не греша против сурового реализма, автор предлагает нам вдруг совершенно новую точку зрения — взять хоть торчащую во все стороны дубинку. Ведь смешно? Во всяком случае, неожиданно. И от этой неожиданности

рождается где-то внутри сознания та волшебная щекотка, которая не хуже, чем «апчи!», снимает напряжение и приносит свободу.

Или вот — не выбирая, берём следующее стихотворение. Кто за милиционером? Ясное дело, рецидивист!

Один лишь раз танцует лист
на сцене пасмурной аллеи.
Задумчивый рецидивист,
о жизни прожитой жалея,
идёт по скверику, храним
дерев содружеством лицейским.
Не совпадая со своим
лицом на стенде милицейском.

Всего-то восемь строчек, а как плотно укомплектованы они смыслом! Тут и дерзкая рифма «лицейским» (ведь мы это слово неразрывно с Пушкиным связываем) — «милицейском», и вдруг возникший музыкальный фон: то ли романс «Только раз бывают в жизни встречи», то ли разбитная песня Анны Герман «Один раз в год сады цветут», и благородство взгляда — увидеть «рецидивиста» человеком в аллее (вечно романтическая картина), и тихая усмешка, насмешка над всем этим внезапно сложившимся набором разномастных образов.

Смех — то, что помогает справляться со страхом. И поэзия — тоже. Автор так прямо и заявляет:

Раз пишу о нём стихи,
значит, не боюсь его.

Так и мы: читаем стихи — и не боимся. Серой реальности, милиционеров, собственной уязвимости.

Выше упоминалось уже о музыкальности. Причём не в смысле «певучести стиха» и тому подобного, хотя с поэтическим слухом у автора всё в порядке. Но сейчас хотелось бы обратить внимание вот на что: то там, то здесь строчки вызывают в памяти... а, да что там, лучше сразу пример:

Куда исчезла боль? Ищу её с утра.
Как сломанный прибор, молчит болевший орган.
Лекарства на столе, но кончена игра.
Теперь я буду жить старательно и долго.

По первой строчке легко угадывается матрица пугачёвско-леонтьевского хита: «Куда уехал цирк? Он был ещё вчера», и это обстоятельство придаёт стихотворению (философскому, тонкому, серьёзному) дополнительное измерение самоиронии.

Надо сказать, что для любителей поиска аллюзий эта книга — настоящее раздолье. Что Бодлер? Детские шутки! Тут и Маяковский, и Олейников с Заболоцким (уж не говоря про капитана Лебядкина с его «мухоедством»), да и сама Агния Барто — ищи не хочю.

Кстати, о Барто. На первый взгляд собранные здесь стихи очень похожи на детские. Часто это и в самом деле взгляд ребёнка (как в цитированном стихотворении про хулигана Лёву Гусева: «Значит, не боюсь его») или прямо детское воспоминание:

На телевизор бабушка кивает головой,
не одобряя давнюю рекламу.
Рассказывает случай о работе
отец, размахивая длинными руками.

Или, как принято в детских книжках, стихи о знакомых предметах — «Динозавр», «Про рака», «Про бычка». Но это — не стихи для детей. Потому что в стихах для детей такого просто не может быть:

Для чего бодается?
Всё равно зарежут.

Если искать определений, то, наверно, можно сказать, что это стихи для «ребёнка внутри нас». Который (как, на самом-то деле, все дети, пока их не научат другому) честен с собой и потому часто печален, а вместе с тем щедр, и благороден, и готов к пониманию и сочувствию.

Очередная неожиданность: во второй части, где собраны произведения о разных живых существах, мы вдруг обнаружим «Дом». А ведь это тоже — детская способность: находить душу во всём.

Дома рождаются красиво,
с трудом лишаясь чёрных ран.
До возведения массива
здесь были ветер и бурьян.

А нынче — дом. Кишит жильцами
на много голосов и лиц.

В нём внуки сделались отцами
и сами внуков дождались.

Но грустно дому и безвестно.
И нет из близких никого...

А вот способность увидеть вещи одновременно с нескольких точек зрения – это уже сугубо взрослый талант (хотя и не всем взрослым он даётся автоматически). Увидеть – и показать другим. Дом как живое существо, обладающее собственным детством; строительство как трудный процесс выздоровления от небытия; автомобили как призрак будущего, плывущий внутри полного жизни динозавра; и самого себя – на чужом заборе – вот так:

Помогите слезть назад:
заколело в сердце.
Старость начинается
сразу после детства.

Немного юмора и бесстрашия – это то, что нам определённо не повредит.

Ольга Сульчинская

*Когда снаружи снег и стужа,
я трубку душа не спеша
снимаю в ванной, чтобы слушать,
как жизнь тепла и хороша.*

*И струек ласковые сети
я ощущаю на виске.
И не дерзаю им ответить
на человечесьем языке.*

I

* * *

От тяжёлых гусениц
спасу родную улицу.
Пьяница бульдозерист
на неё не сунется.

Не подъедет экскаватор
с многотонной гирею
покрывать мою кровать
штукатуркой с пылью.

Пусть испишут в тресте акт
подписями гадкими —
напущу цепных собак,
перебью рогатками.

Я кощей стареющий
с тридевятой улицы,
вороньём и воробьём
гимны мне поются.

Под небесным куполом,
под зелёным луком
во дворе зарыт сундук
с моим волшебным духом.

Там взамен
стен и мин,
для войны пригодное,
пугало растёт над ним,
злое, огородное.

* * *

Я с ёлочки в окно гляжу
и вижу за машинкой маму.
На телевизор бабушка кивает головой,
не одобряя давнюю рекламу.
Рассказывает случай о работе
отец, размахивая длинными руками.
А мне на них смотреть
смешно и грустно.

Я и по комнате хожу
небезызвестным вундеркиндом.
Я и на ёлочке сижу –
и никому меня не видно.

Мухи

Куда, интересно,
деваются мухи во время дождя?
Сидят, очевидно, в какой-нибудь тесной
засаде, за нитями капель следя,
о жизни мушиной посуживают
и изредка сонно подзуживают.

* * *

Я узнал в середине дня
от Кольцовой Тани:
Лёва Гусев ждал меня
со своей компанией.

И теперь я этим прямо
крайне озадачен,
так что даже папа с мамой
волноваться начали.

Хоть и встречу я его
доводами кроткими,
будет с Лёвой разговор
чересчур короткий.

Но бояться хулигана
нас не учит Родина.
Гнать его метлой поганой,
обществу не годного!

Что облил водой дежурных,
что ругался матом —
без раздумий подтверждаю
перед любимым вожатым.

Вот отдельные штрихи
к портрету Лёвы Гусева.
Раз пишу о нём стихи,
значит, не боюсь его.

Ветер

Беспокойное вторжение —
ветер в комнаты проник.
Не знает их расположенья,
ошибаясь, хлопает дверьми.

То под тумбочку заглянет,
то к дверце шкафа припадёт.
Наконец влетает в спальню
и находит там меня.

Здравствуй, ветер! Здравствуй, ветер!
Есть ли кто ещё на свете
за дубовыми дверьми?
Ты с собой меня возьми.

* * *

А если вдруг с небес Посол
за мной придёт, ему отвечу,
что только телом я прошёл
мою дорогу человечью,

что, получив отца и мать,
сестру и дом в глубоком детстве,
я их боялся потерять
и предпочёл стоять на месте,

что мой покой они хранят
ещё и ныне от соблазна, —
и он, нежившего, меня
оставит до другого раза.

||

Пробуждение

Вчера я проснулся не в мягкой постели,
а с тесной решёткой вокруг головы.
Трибуны вопили и громко свистели.
Угрюмо молчали косматые львы.

А Марк-гладиатор в домашнем халате
сидел на кушетке ногами в тазу.
И солнце сияло. И громы некстати
прокатывались то и дело внизу.

И крикнул я Марку: «Вернись во всё это!
Съедят твоё тело — куда полечу?»
Но Марк по-латыни давал мне советы
и мысленно хлопал меня по плечу.

Динозавр

Где поблёскивают рельсы,
много тысяч лет назад
выходил на солнце греться
царь природы – динозавр.

В розовеющей дали
папоротники цвели.
Время медленней бежало
вкруг нетронутой земли.

Он об этом и о том
мыслил кожей и хребтом.
Сквозь него трамваи плыли,
двигались автомобили.

Но, стальных не видя тел,
пред собою он смотрел
и ложился на дорогу,
смутно чувствуя тревогу.

Про рака

Если б в сложной проводке нуждалась вода
из меди, свинца и железа,
он бы самые прочные провода
не задумываясь перерезал.

Всё со скуки и зла. Но не рака вина,
что уж больно мала ему раковина.

Так лежит он, от хлорки в воде занемог,
но с клешнёю на карауле.
Глупый кран на струю таращит глазок,
забыв, что его повернули.

Ерь

Мне вчера явился Ерь,
за спиной — котомка.
Посидели с ним, поели,
выпили негромко.

Встряхивал он головой
в деревенском стиле:
мол, давно уже его
не произносили.

Я и взялся сгоряча,
замычал, закричал...
Ерь на это заскучал —
а потом заплакал.

Про бычка

Вдруг, без подготовки,
прямо в полдень знойный
взяли за верёвку,
повели на бойню.

Он — голову кругами,
ссорится со всеми.
Он глядит рогами
далеко на север.

И хвост его болтается.
А там — металлов скрежет.
Для чего бодается?
Всё равно зарежут.

Дом

Домá рождаются красиво,
с трудом лишаясь чёрных ран.
До возведения массива
здесь были ветер и бурьян.

А нынче — дом. Кишит жильцами
на много голосов и лиц.
В нём внуки сделались отцами
и сами внуков дождались.

Но грустно дому и безвестно.
И нет из близких никого,
кто мог бы описать его
необлицованное детство,

где дом, который раньше не был,
ещё не выхожен от ран
и вечно падающий кран
на фоне облачного неба.

Сазан

Была ему набрана ванна.
Я к ней приближался с отцом.
Там тёмное тело сазана
лежало недвижимым пловцом.

Из ванны его вынимала
огромная чья-то рука,
и на пол упало немало
воды у него с плавника.

Я думал: он в дальние страны
в багажнике едет сейчас
и скоро навек перестанет
по-рыбьему помнить о нас.

Под вечер

Когда под вечер не дают
смотреть вокруг дома прямые,
покажется на пять минут,
что солнца нет в реальном мире.

И не было во все века,
и небеса светились сами.
А были только облака
с подкрашенными парусами.

Автобиография

Так и ходил бы всю жизнь, когтист,
если бы Лена и Таня
с раннего детства не занялись
вплотную моим воспитаньем.

Правда, и к ним не сразу пришёл
педагогический опыт.
Так, одно время им было смешно
тапочкой по голове меня хлопать.

Пятнистого, пытались отмыть добела,
в чёрный покрасить потом.
А просто мама моя белой кошкой была,
а папа — чёрным котом.

Но рос я и креп, за годом год.
А рядом со мной неизменно
под бременем ответственности и забот
росли Таня и Лена.

Уже приучали с салфеткой есть,
зваться не Кисой, а Валею.
Показывали, как в коробочку сесть,
и когти в неделю раз подстригали.

В их школе занятия непросты,
но много законов постиг там.
Отныне понятие чистоты
мне знакомо не по инстинктам.

Когда я в мечтах забегаю вдаль,
вижу: с сыновним теплом
я в дом из школы несу медаль,
чуть позже – и свой диплом.

Они принимают из рук портфель –
бесценные Лена и Таня.
И внуков они отправляют в постель
с подстриженными коготками.

* * *

Сладко вишню воровать!
Вон участок над забором,
что остался не оборван.
Ты глядишь туда без сил.
Над тобой тугая мякоть,
зелень листьев, неба синь —
и тебе охота плакать.

Сладко вишню воровать,
но кончается охота.
Снова в долгую субботу
не застелена кровать.
За окошком, как привык,
тополя. А там, где память, —
сон жуёт сухую мякоть...

Собака

Дождь — родоначальник слёз —
именно это сегодня оплакивал:
я наконец убедился всерьёз,
что нет у меня собаки.

Тщетно я мясо на кухне варил,
кости старался выбрать получше,
прозвища ласковые говорил,
шорохи дома жадно выслушивал.

Может, давно мечтает о том
и под широкой кроватью в темени
смутно белеет и белым хвостом
пыль подметает прошедшего времени.

* * *

Мой сын собирался сам
на прогулку по первому снегу,
натягивал рукавицы
и санки брал под уздцы.

А теперь уже март, вероятно.
И где-то в тенистом проулке
за ночь замёрзшая слякоть
хрустит у него под ногой.

Ночь отца

Вокруг отца посетители вертятся,
прямо к постели идут, незваные,
не сознавая, что просьбы во сне
теряют законные основания.

Поэтому на все бумаги подряд
он ставит печать без сомнений и дрожи,
пока глаза у него горят
непогашенным светом в прихожей.

* * *

С каждым годом всё трудней
возвращаться в детство.
В шортики и маечку
больше не одеться.

Если вдруг меня застанут
на чужом заборе,
будут думать обо мне
как о взрослом воре.

Помогите слезть назад:
заколело в сердце.
Старость начинается
сразу после детства.

Цветы

В моём рабочем кабинете
цветы беседуют о лете.
Один посажен, как дитя,
в горшок – и на него, блестя,
глядит другой, лишённый зренья,
из глянцевого измеренья.

Лишь мой несовершенный мозг
для их общенья зыбкий мост.
А между тем ползёт к закату
рабочий день. Сминая дату
и выключая верхний свет,
я покидаю кабинет.

И вот во тьме порядок сдвинут,
горшок жильцом своим покинут,
пока настенный водопад
в него струится наугад.

IV

* * *

Была совсем уже близка,
и вдруг — такое наказание!
Проснулся утром, поискал —
и не нашёл её глазами.

Наверное, теперь она
внутри, иного быть не может.
И до краёв душа полна
неразрешимой этой ношей.

Я не особенно сержусь.
Она вообще немного скрытна.
Хожу с ней, ужинать сажусь,
пишу и не сбиваюсь с ритма.

* * *

Мой дом стоял под дождём
и ставней от ветра повизгивал.
И гостя вошла в мой дом,
промокшая и неблизкая.
И, стоя на голом полу,
ни книг не нашла почтенных,
ни сложных приборов в углу,
ни редких трофеев на стенах.
И скрылась в дождливую мглу,
обида не в силах вынести.
И вытащил я метлу —
чтоб сырость за нею вымести.

Картина

Снег стряхну с пальто и с шапки,
на ладони подышу,
на ноги надену тапки
и картину напишу.

Различимых только в лупу,
нарисую, как смогу,
в чёрных шапках и тулупах
человечков на снегу.

Пусть идут себе и любят,
неизвестные весне.
Пусть их чёрные тулупы
перечёркивает снег.

* * *

Устал я на тебя молиться.
Машинным дымом просмолиться,
по шумным улицам, по будням
бродить без деток и внучат,
локтями прикосаться к людям –
и слушать, как они звучат.

V

Невидимки

Глядят на мир глазами кинокамер,
события не трогая руками.
Со всех полей стекаются на суд,
плакаты пожелтевшие несут
бесчисленные люди-невидимки.
Появятся — и растворятся в дымке.

А видимый — на кромке бытия
стоит, как подсудимый и судья,
возносит голос и руками машет,
но ни словечка нового не скажет.
И смотрит он, усталый дурачок,
в зловещий кинокамеры зрачок.

Водопроводчик

Душа бригады и ударник
спустился в люк и там пропал.
А на поверхности напарник
сидит и думает про пар,
что вот и он водопроводчик,
но вслед за другом в пар не хочет.
А на поверхности ботинки,
по долгу службы нечисты,
грустят о верхней половинке.
Текут рабочие часы.

Милиционер

За столиком милиционер
у входа в госучрежденье
сидит, неумолим и сер
с момента своего рожденья.

Сейчас он спит. За ним меж плит
бежит ковровая тропинка,
но во все стороны торчит
неутомимая дубинка.

Рецидивист

Один лишь раз танцует лист
на сцене пасмурной аллеи.
Задумчивый рецидивист,
о жизни прожитой жалея,
идёт по скверику, храним
дерев содружеством лицейским.
Не совпадая со своим
лицом на стенде милицейском.

* * *

Где-то во хмелю буюнят,
но тебя там никогда нет,
ведь крамолу не куют,
если сухость и уют.

В сахарной твоей державе
нет на сны подорожаний.
Дремлют древние кремли —
и ты немного подремли.

* * *

Когда покой – тогда, слепя
улыбками, глядит с плакатов.
Даёт рассматривать себя,
изображённую на картах.

Когда ж под вспышками в ночи
душа к отправке не готова –
чернильной птичкой прокричит
с верхушки тополя родного.

VI

* * *

Как усталые солисты,
разошлись специалисты.
Спят жильцы в палатах,
органы болят их.

Только изредка на стон
между болями и сном
пробежит растерянная
медсестра с системой.

Только сверху кто-то главный
мебель двигает ногами,
служащих вначале
гневно поучает.

А потом, затихший в кресле,
по историям болезни
пальцем водит бегло —
чтоб сестра не бегала.

Боль

Куда исчезла боль? Ищу её с утра.
Как сломанный прибор, молчит болевший орган.
Лекарства на столе, но кончена игра.
Теперь я буду жить старательно и долго.

Теперь я буду жить, во всём преображён.
Лишённый медсестёр, оставленный врачами,
я буду говорить с друзьями о чужом
и слушать ровный пульс бессонными ночами.

ДВОЙНИК

К работе его не привлечь,
молчанья его не нарушить.
Он любит пожатием плеч
насмешку свою обнаружить.

Не платит он мне за жильё,
моих не касается правил,
но ждёт, чтоб сознание своё
ему я в наследство оставил.

Когда я умру оттого,
что сам принимаю решения,
я в теле оставлю его —
ответственным за воскрешенье.

Дерево

Листья все попадали,
замерли процессы в клетках.
Беспокойными плодами
воробьи сидят на ветках.

Так стоит оно высоко,
равнодушное к судьбе,
до назначенного срока
словно памятник себе.

VII

* * *

Удобнее иметь своим кумиром
ровесника, чтоб можно было с ним
в одну эпоху радоваться жизни
и по нему за временем следить.
Состарившись, ворчать и видеть в нём
товарища по поколенью.

А я люблю угасших звёзд, сошедших
со сцены и желательно — с земли.
Они смеются с выцветших конвертов,
и крутится пластинка, как душа.
От старости потрескивают сухо
их молодые голоса.

Книги

По автору и данным выходным
любил гадать я о событиях книги.
Я полки прибывал по выходным,
и корочки от пыли протирал,
и за собой по городу таскал,
и в ящике стола держал их на работе.
И поселилась среди них тоска
на верхней полке в сером переплёте.

* * *

Когда шумна, как выстрел холостой,
компания — направив кверху палец,
вполголоса «Войну и мир» Толстой
читает без заминок и без пауз.

И если я когда-нибудь умру,
я воздуху побольше наберу
и напрягусь из сил своих последних —
и буду между вами на пиру
почётный и докучный собеседник.

* * *

Я привёз в этот город надежду –
не лелеять себе в утеху,
а как пса напускать на тех, что
преграждают мне путь к успеху.

Но она оказалась вялой,
мягкотелой, больной и нежной.
И тогда я, боясь провала,
распрощался с моей надеждой

и отправил в поместье дедово,
и живу, безнадежный, в столице.
Лишь по праздникам езжу проведывать,
новостями с ней поделиться.

* * *

От времени добавилось морщин
у пассажиров зала ожидания.
Уже давно никто из них причин
не видит для дальнейшего страдания.

Давно никто из них не задаёт
диспетчеру нескромные вопросы.
И только утомлённый самолёт
едва стоит на маленьких колёсах.

* * *

Мои игрушки и родня,
жена, посуда, книги, мебель —
сегодня все вокруг меня,
чтоб проводить туда, где не был.

Они, как дружный коллектив,
меня, не сталкивая с чернью,
ни разу не поколотив,
доставили по назначенью.

Теперь и я машу в ответ.
Во мне лишь маленькие лица
испуганно кричат, что нет, —
и бьются в стёкла роговицы.

Лес

*В заброшенном корпусе ржавчина, сырость,
разбитые стёкла и грязь.
Но прямо на крыше загадочный вырос
росток, никого не спросясь.*

*Он будет тянуться ещё много лет,
рассеивая семена, —
и значит, там скоро появится лес
на будущие времена.*

*Когда на земле воцарится раздор,
и скроются рыба и зверь,
и Красную книгу за чёрным дроздом
захлопнут, как тяжкую дверь,*

*когда наши детские игры остудит
последний и праведный суд, —
родятся в лесу непонятные люди
с очками на длинном носу.*

*Не зная о наших победах и бедах,
лихие столетья спустя
в тени проводить будут дни и в беседах,
густым опереньем блестя.*

*Где нам и не снилось, где так не бывает,
где лишь удивись и замри —
носатые люди гуляют от края
до края квадратной земли.*

Содержание

Ольга Сульчинская

Смех и слёзы внутреннего ребёнка 3

«Когда снаружи снег и стужа...» 7

I

«От тяжёлых гусениц...» 11

«Я с ёлочки в окно гляжу...» 12

Мухи 13

«Я узнал в середине дня...» 14

Ветер 15

«А если вдруг с небес Посол...» 16

II

Пробуждение 19

Динозавр 20

Про рака 21

Ерь 22

Про бычка 23

Дом 24

Сазан 25

Под вечер 26

III

Автобиография 29

«Сладко вишню воровать!..» 31

Собака 32

«Мой сын собирался сам...» 33

Ночь отца 34

«С каждым годом всё трудней...» 35

Цветы 36

IV

«Была совсем уже близка...»	39
«Мой дом стоял под дождём...»	40
Картина	41
«Устал я на тебя молиться...»	42

V

Невидимки	45
Водопроводчик	46
Милиционер	47
Рецидивист	48
«Где-то во хмелю буянят...»	49
«Когда покой — тогда, слепя...»	50

VI

«Как усталые солисты...»	53
Боль	54
Двойник	55
Дерево	56

VII

«Удобнее иметь своим кумиром...»	59
Книги	60
«Когда шумна, как выстрел холостой...»	61
«Я привёз в этот город надежду...»	62
«От времени добавилось морщин...»	63
«Мои игрушки и родня...»	64
Лес	65

Вадим Муратханов. Цветы и зола

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 4.02.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4,25
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6041935-4-9

9 785604 193549

Лирический герой Вадима Муратханова — это оставленный дома без присмотра ребёнок, успевающий повзрослеть и состариться до возвращения взрослых. В отличие от своих предшественников по «детской оптике» — Заболоцкого и Тарковского, Муратханов не торопится растворить своё вечно-невзрослое *алтер эго* в природе. Он — зритель, а не деятель природы; он держит природу в стеклянном окне, как стрекозу в спичечном коробке.

Евгений Абдуллаев

Стихи эти — отчётливо ностальгические, сквозная тема — ужас перед неумолимым временем <...> спасение от которого можно найти только в прошлом, во сне или в книгах. <...> Ностальгия добавляет стихам теплоты, но лишает бытие полнокровности — не столько жизнь, сколько трогаящие сердце воспоминания о ней, не столько восхищение бытием, сколько ужас перед небытием.

Мария Галина

Язык — живое существо. Чтобы это заявление не звучало безответственным штампом, появляются такие поэты, как Муратханов...

Анатолий Найман

ISBN 978-5-6041935-4-9

9 785604 193549